

Об израильских кибуцах, этих островках социализма в капиталистическом мире, как и о практике общинного воспитания в них, советская пресса практически ничего не сообщала. Показательно, что единственная, насколько мне известно, публикация на эту тему, репортаж журналиста И. Константиновского, появилась во время перестройки (весной 1990 г.) в журнале "Огонек" [1]. За три года до этой статьи газета "Известия" поместила материал о путешествии в Израиль делегации Советского комитета защиты мира, посетившей и один из кибуцев, где обнаружила островки процветающего хозяйствования [2]. Термин сам по себе - в значении "военизированная деревня" и с различным написанием: "киббуц", "кибуц" - стал впервые встречаться в конце 60-х - начале 70-х гг. в сообщениях об основании подобных поселений на оккупированных Израилем территориях [3, с. 265].

С педагогической точки зрения мало кто обратил и обращает сейчас внимание на этот необычный эксперимент. Напрасно искать в двухтомной "Российской педагогической энциклопедии" (М., 1993, 1999) ключевое слово "кибуц" или "кибуцное воспитание"; ни единым словом не упоминаются коммуны и созданная в них оригинальная воспитательная система и в статье "Израиль" в этом авторитетном справочном издании. Кстати, первой общей энциклопедией в странах СНГ, поместившей статью о кибуце, является однотомный украинский "Универсальный словарь-энциклопедия" (Киев, 1999).

В 1959 г., в самом начале учебы во Франкфуртском университете (ФРГ), мне впервые представилась возможность во время каникул поехать на уборку урожая в один из кибуцев. Это было еще до начала открытого израильско-арабского конфликта и до моего знакомства с педагогическим наследием А.С.Макаренко, определившими позже мой профессиональный путь. С того времени я уже не выпускал кибуц из поля зрения. Как и раньше, считаю, что эта коммуна является в педагогическом отношении поучительным экспериментом. Поэтому на семинарских занятиях в Марбургском университете, которые я провожу несколько лет (в рамках трехсеместрового цикла), кибуц рассматривается как один из примеров общинного воспитания наряду с двумя другими моделями. Речь идет о макаренковской колонии им. М. Горького, а также о поселении ("брудерхоф") гутеров - членов анабаптистской общины, на протяжении более ста лет размещавшихся в Малороссии до того, как между 1874 и 1879 гг. они перебрались в Америку. Быт, хозяйствование и методы воспитания у гутеров и у Макаренко имеют определенное сходство с практикой кибуцев.

Вышеназванные примеры - настоящая экзотика для сегодняшних студентов, изучающих педагогику, будь они родом из западных земель ФРГ, из бывшей ГДР или из-за рубежа (в том числе из стран бывшего СССР). Показательно, что попытки общинного воспитания такого рода вызывают большой интерес у них, вероятно, еще и потому, что они в корне отличаются от хорошо знакомой им практики индивидуального воспитания и вообще от жизни детей в семье.

Кибуц - само это понятие восходит к ивритскому слову "квуца" (группа) - представлял собой изначально сельское поселение, организованное как социалистическое производственное товарищество. История рассеянных по всей стране кибуцев насчитывает более 90 лет. В настоящее время имеется около 260 такого рода коммун, это примерно 115 тыс. человек (от 100 до 2000 в каждой), что составляет менее 2% еврейского

населения Израиля. Однако вклад кибуцев в сельское хозяйство и производство промышленной продукции значительно выше: в 1998 г. он составлял соответственно 33 и 8,4% [4, S. 3]. Неудивительно, что и жизненный уровень в современных кибуцах выше, чем в среднем в стране, хотя многие поселения уже несколько лет переживают последствия экономического кризиса [5, S. 10].

Статья "Кибуц" (в таком написании) стоит в ряду аналогичных публикаций "Огонька", в которых этот массовый общественно-политический журнал пытался дать советским читателям объективную картину Израиля. Руководимый новым главным редактором, либеральным украинским публицистом В. Коротичем, традиционный консервативный журнал стал "глашатаем гласности и перестройки" (М. Горбачев). Для И. Константиновского кибуц является "простым и ясным доказательством правильности коммунистической идеи, ее полной осуществимости" [1, с. 21].

Московский корреспондент, у которого в ходе "футурологической экскурсии" по разным кибуцам прямо-таки напрашивалось сравнение с отечественными колхозами, подчеркнул "высокий уровень техники, рациональную организацию всех работ и достигнутые результаты, особенно в сельскохозяйственном производстве" (надои молока от 10 до 11 тыс. литров на корову в год [1, с. 48] против 3,5 тыс. литров в СССР). Сильное впечатление произвели на него также жилые домики кибуцников в садах с субтропическими деревьями и цветами, оснащенные современными ваннами и санузлами [1, с. 20-21]. Кроме того, он обстоятельно рассказывает о гуманном отношении к престарелым, которые и после выхода на покой могут принимать посильное участие в жизни родного поселения и не чувствуют себя, таким образом, лишними людьми [1, с. 24]. Естественно, что, будучи в кибуцах, корреспондент задавал своим собеседникам вопрос, почему же все-таки лишь немногие (тогда они составляли 3% населения Израиля) решились жить в таком раю и почему их число не только не растет, но, напротив, неуклонно сокращается [1, с. 21, 24].

Снижение доли кибуцников от численности еврейского населения Израиля с 3% в 1990 г. до менее 2% в настоящее время объясняется большим наплывом переселенцев из бывшего СССР в начале 90-х гг. У прибывших в то время "русских", имевших за плечами опыт "реального социализма", "левые" эксперименты типа кибуца не вызвали особого интереса. Они хотели наконец познать реальный капитализм, прежде закрытый для них, и оседали прежде всего в городах. Тем не менее, в рамках соответствующей правительственной программы, совершенно неожиданно для поселений открывшей дополнительные статьи дохода, кибуцы приняли с испытательным сроком (на один год) многие приехавшие из стран СНГ семьи с тем, чтобы облегчить их вращение в новое для них израильское общество и овладение основами иврита [4, S. 13]. Очень немногие из числа этих "испытываемых" решили затем остаться в кибуцах: слишком велико было предубеждение бывших советских граждан против каких бы то ни было форм социалистического сообщества.

При этом первым кибуцникам в свое время не были чужды "экспансионистские", как определил гость из Москвы, настроения. Они верили, что создание небольших, свободных от всякого господства и насилия ячеек общества, организуемых как товарищества, приведет к тому, что все "пролетарии" в их стране добровольно присоединятся к сообществам, осуществившим "выход из капитализма", и что таким образом, шаг за шагом, без в той или иной степени принудительной революции и без такого инструмента

насилия, как централизованное государство, возникнет социалистическое общество. Такого рода идеи разрабатывал немецкий анархист Густав Ландауэр (1870-1919), объявившийся позже на политической арене и убитый как член правительства Баварской советской республики. Он был вдохновлен взглядами известного русского анархиста Петра Кропоткина. Что касается значения физического сельскохозяйственного труда, "возврата к земле, к своему клочку земли", наконец, "освобождения посредством труда", то такой авторитет в этой области, как Аарон Давид Гордон (1856-1922), родившийся в России, испытал на себе влияние народников и Льва Толстого [5, S. 29, 33; 6, S. 27]. Из Российской империи происходили в большинстве своем также первые еврейские переселенцы в Палестину. Однако они составляли лишь незначительное меньшинство среди примерно 2,5 млн. российских евреев, покинувших свою родину между 1880 и 1914 гг., - приблизительно 98% из них эмигрировали в Америку или Европу.

Первые кибуцы были основаны в период Османской империи группами выходцев из России, а также Галиции, относившейся тогда к Австрии. Молодые светски образованные люди, прибывшие в Палестину со второй волной иммиграции ("алия", 1904-1914 гг.), считали себя сионистами и социалистами [5, S. 10; 7, S. 175].

Сионизм (по названию горы Сион в Иерусалиме) означал национально-освободительное движение постоянно преследуемого и рассеянного еврейского меньшинства с целью организации своего государства. Территорией для основания "национального еврейского очага", как этого требовал "отец сионизма", венский журналист и писатель Теодор Герцль (1860-1904) в программной книге "Der Judenstaat" (Еврейское государство, 1896), на I сионистском конгрессе в Базеле, состоявшемся в 1897 г., была объявлена Палестина ("Эрец- Исраэль"). Цель сионизма - возрождение после 2000-летнего перерыва независимого еврейского государства. Будущие основатели кибуцев, среди которых было много гимназистов и студентов, покидая Российскую империю, бежали от царской тирании и погромов, прежде всего после неудавшейся революции 1905 г., в которой участвовали многие из них, а также и от жизни в "местечке", определявшейся патриархальным укладом еврейской семьи и строго выполнявшимися ею религиозными обычаями.

В организации труда и жизнедеятельности коллективных поселений ориентация была на социалистический, согласно Марксу и Энгельсу ("Манифест Коммунистической партии"), даже коммунистический принцип: "От каждого по способностям, каждому по потребностям". Это означало:

- физический производительный труд, именно личный (*авода измит*), т.е. запрещение наемного труда (эксплуатации);
- обобществление средств производства и вообще отмену частной собственности, отказ от платы за произведенный труд,
- "дух пионеров-первопроходцев",
- добровольное членство,
- всеобщее равенство, включая равенство полов;
- солидарность;
- демократическое самоуправление; совместное потребление и, не в последнюю очередь, широкую концепцию общинного воспитания.

Вышим органом самоуправления кибуца является общее собрание, вплоть до 1980-х гг. проводившееся еженедельно, но в настоящее время собираемое во многих поселениях

всего несколько раз в год. На нем принимаются важнейшие решения, в том числе утверждаются годовой бюджет и прием в члены, образуются комиссии, которые занимаются вопросами производства, финансов, жилищного строительства, здравоохранения, воспитания и обучения, культуры и др. Исполнительным органом кибуца является секретариат в составе председателей комиссий, секретаря и казначея [4, S. 6].

В этой связи И. Константиновский особо подчеркивает для советского читателя: "Основной принцип управления - абсолютное равенство всех членов коммуны", о котором корреспондент слышал во многих кибуцах. При этом он спрашивает себя: "Но разве мог я забыть опыт и практику "реального социализма"?" Его вопрос "о привилегиях координаторов (председателей комиссий. - Г.Х.) и других "руководящих" лиц кибуца" наталкивается, однако, на непонимание собеседников. В итоге ему пришлось "отказаться от всяких аналогий и признать, что мир кибуцев не похож на миры, которые я знал. Отличался он прежде всего тем, что был основан на строгой добровольности, на возможности покинуть его в любой момент" [1, с. 21].

Осуществляя вышеназванные социалистические принципы, кибуцы на протяжении всей их истории находились в известном противоречии с несоциалистическим окружением, что приводило к кризисам и вынуждало идти на определенные изменения. Если в период действия британского мандата в Палестине кибуцы сыграли решающую роль в организации, формировании и обеспечении существования еврейского сообщества до 1948 г., то после создания государства и в ходе его последующего развития они все больше утрачивают функцию первооткрывателей.

Поначалу кибуцники, члены левых партий, еще занимали многочисленные руководящие посты в политике. Так, из кибуцев вышли два самых известных израильских премьер-министра - Давид Бен-Гурион и Голда Меир (она раньше была первым послом Израиля в СССР). До 1969 г. кибуцниками были 15-20% депутатов Кнессета и около 40% членов правительства [8, S. 117]. При этом, будучи политиками, они продолжают оставаться членами своих кибуцев, куда обычно приезжают на субботу ("шабат"), а также в праздники. О сочетании "принадлежности к кибуцу с политической и дипломатической работой" корреспондент "Огонька" рассказывает на примере одного кибуцника, который "дважды уже был послом Израиля в двух разных странах" и - что немыслимо в отношении к какому-нибудь советскому политику, начинавшему в колхозе - "в перерывах между своими дипломатическими командировками возвращался в свой родной кибуц, надевал рабочий комбинезон и снова становился таким же кибуцником, как и все остальные" [1, с. 22].

[см. такие две разные рецензии на замечательную книгу Б.И.Дубсона «Кибуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно». – [Бориса Кагарлицкого](#) и [Ильи Смирнова](#). Мне ближе точка зрения второго автора; она же, думаю, и ближе к истине. - **В.К.**]

Когда в 1977 г. правительство Израиля впервые было сформировано не из представителей рабочих партий, прекратилась его широкая финансовая поддержка (*вместо этого средства пошли на создание еврейских поселений на оккупированных территориях* [4, S. 22]), начался существенный рост влияния окружающей среды на кибуцы, в первую очередь на молодежь. Особенно это коснулось системы воспитания.

Классическая модель общинного воспитания, существовавшая в кибуцах вплоть до последней трети XX столетия, возникла в 20-е гг. Кибуцное движение в его начальной

фазе характеризует радикальный отход от семьи, ярко выраженный "антифамилизм", резко отрицательное отношение к семье и браку, в которых усматривали угрозу идентификации с сообществом, не приветствовалась даже продолжительная внебрачная связь мужчины с женщиной. Первые кибуцники считали себя революционным авангардом, элитой создающегося нового общества, в котором традиционные "буржуазные" ценности следовало заменить идеалом сообщества.

С появлением в них первых детей кибуцы столкнулись с проблемой их материального обеспечения и воспитания. Поначалу женщины (в особенности матери) подменяли друг друга в течение дня, обеспечивая уход за детьми. Модель общинного воспитания, когда дети остаются в ночное время в специально для этого построенных домах-интернатах, впоследствии ставшая «педагогической вывеской кибуцного движения» [9, S. 98], сформировалась в поселениях, организованных в ходе 3-й алии (1919-1923), т.е. непосредственно после Первой мировой войны. Обществу первых поселенцев необходим был труд всех находившихся в его распоряжении работников, как мужчин, так и женщин, и оно не могло себе позволить освободить матерей для ухода за детьми. Да это бы и не соответствовало настрою самих "товарок", которые, судя по документам тех лет, отказывались работать только на кухне и в прачечной, стремясь не ударить лицом в грязь на сельскохозяйственных работах.

В начале кибуцного движения состоялись женские конференции, на которых обсуждались названные проблемы. На первом из этих совещаний (1914) делегатки говорили "с горечью о пренебрежении... мужской части товарищей трудом в сфере обслуживания. Они требовали организовать подготовку женщин к работе в сельском хозяйстве, обеспечить им равное положение с мужчинами и одинаковые с ними условия труда" [11, S. 32]. При таком понимании кибуцницами их участия в производительном труде, исключавшем возможность полноценно заботиться о своих детях, стать им хорошими матерями, не удивляет то, что тогда именно сами "товарки" предлагали нанимать для ухода за детьми женщин со стороны, которым не знакомы такого рода противоречивые чувства [9, S. 94].

Введение совместного ночлега детей (*communal sleeping arrangement for the children*) состоялось скорее по воле случая. В 1919 г., когда жителей одного кибуца в Галилее потребовалось эвакуировать и на восемь месяцев разместить в другом еврейском поселении, там не оказалось никакой возможности оставить детей спать вместе с родителями, и их поместили в отдельном доме, что им необычайно понравилось [11, p. 59; 12, p. 23 7]. С учетом этого опыта и из соображений безопасности было решено впредь размещать всех детей вместе в центре поселения и осуществлять совместно уход за ними. Не стоит забывать, что кибуцники большей частью жили тогда в палатках и дом для детей часто был единственной каменной постройкой.

Организованная затем в большинстве кибуцев система общинного воспитания означала, что дети с момента своего рождения должны были жить и спать не с родителями, а в специальных домах-интернатах. При этом за них отвечала воспитательница - *метапелет*. В первые недели и месяцы после рождения, особенно в период грудного кормления, мать ребенка, которой помогала *метапелет*, сама заботилась о нем. Постепенно детей переводили из дома младенца в ясельную группу, потом в дом для детей начального школьного возраста и, наконец, по мере взросления, в дома-интернаты для подростков, причем постоянно менялись и метапелет [5, S. 107]. Дети и подростки питались вместе с воспитательницей, в том числе в выходные дни, т.е. по субботам и праздникам, даже если

весь день они были у родителей. Маленькие дети находились вместе также и во время дневного сна.

В будни, лишь во второй половине дня, дети гостили в родительском доме всего 2-3 часа. После совместно проведенного времени родители (как правило, мать) оставляли своих отпрысков у порога дома-интерната на попечение их *метанелет*, которая затем укладывала их спать. Эта практика соблюдалась довольно строго вплоть до конца Второй мировой войны. Нередко родителям строго запрещалось дополнительно навещать детей в доме-интернате, а матерям - дополнительно кормить их. Ответственность за воспитание возлагалась практически исключительно на назначавшийся кибуцем персонал, а именно: на *метанелеты*, воспитательниц детского сада, на учителей и руководителей подростковой группы. Решающим для организации совместного размещения детей и подростков, по крайней мере, с 40-х гг., было не соображение экономического характера или бедственное социальное положение детей (например, в сиротских домах), а представление о возможности создать таким образом "нового человека", "нового еврея", который придёт на смену «человеку воздуха» - Luft-mensch), известного из художественной литературы на языке идиш типа еврея из "местечка", не привязанного сельскохозяйственным трудом к земле, но кое-как пробивавшегося в жизни своим ремеслом и торговлей, и примет как нечто само собой разумеющееся образ жизни в кибуце, внутренней потребностью которого станет развитие данной социальной модели в будущем. Мордехай Сегал, один из основоположников кибуцной воспитательной системы, сформулировал это следующим образом: "Мы осуществили наше воспитание в соответствии с целями кибуца: прежде всего выращивать тип человека, который в результате воспитания находит гармонию жизни кибуца" [5, S. 109].

Положение о том, что с помощью тяжелого физического труда и аскетического образа жизни можно сформировать "нового человека", носит односторонний, антиинтеллектуальный характер. Представители первого поколения кибуцников, многие из которых получили в родительском доме классическое буржуазное образование, не могли не видеть, что из их детей и внуков получались крестьяне, техники, учетчики, люди скорее практического склада, почти не проявлявшие интереса к образовательным ценностям буржуазной культуры, философской и идеологической рефлексии. Так, немецкий педагог и специалист по воспитанию в кибуцах Людвиг Лигле уже в своей первой публикации (1971) писал: "Часто наблюдается, что молодежи, родившейся и воспитанной в кибуцах, недостает интеллектуально-душевной ориентации, которая типична для поколения европейских евреев, организовавших в свое время кибуцы" [13, S. 34]. В беседе с Марией Фелинг-Альберс и Вернером Фелингом в 70-е гг. один из педагогов периода становления данной системы высказался по этому поводу следующим образом: "Мы воспитывали из наших детей рабочих и крестьян. И они стали хорошими рабочими и крестьянами. Но от этого становится и немного грустно" [5, S. 297].

Решения о развитии общинного воспитания детей - вначале в форме продленного дня - были приняты на пятой женской конференции в 1918 г. [9, S. 95], но сопротивление планам общинного воспитания не утихло. Так, на первом общем слете еврейских коллективных поселений в 1923 г. возникли резкие споры по поводу "*communal sleeping arrangement*". При этом стало очевидным, насколько сильно проблема воспитания затрагивает понимание сущности кибуцев. Сторонники организации совместного проживания детей рассматривали его как первый шаг на пути к освобождению женщины

от обязанности, которую обычно считают ее наипервейшей и единственной задачей. Но на этом же слете данная практика подверглась острой критике, причем с мужской стороны, со стороны "главного идеолога" одного из объединений кибуцев Ицхака Табенкина [11, р. 69]. Годом позже он подтвердил свою точку зрения: система общинного воспитания привела к тому, что была разрушена жизнь семьи и исковеркана жизнь женщины, так как они, по словам докладчика, могли лишь в неудовлетворительной мере отдаваться их естественной потребности быть вместе с детьми и заботиться о них. Не следует приносить в жертву эмансипации женщины благо ребенка и само материнство. Табенкин сформулировал это в форме вопроса: "Можем ли мы освободить женщину, освобождая ее от своего ребенка или жертвуя ребенком для ее освобождения?" [11, р. 70].

Глубокие волнения тех, кого непосредственно затрагивала проблема общинного воспитания, выразила впоследствии одна бывшая метапелет в израильском телефильме о пятерых зачинательницах кибуцного движения "Ану бану - дочери утопии" (1982): "Часто я проводила ночи без сна, боясь, что сделала что-то не так. Мы были суровы с детьми. И суровы с самими собой. Наверное, так должно быть, иначе здесь никогда ничего не было бы создано. Матери часто плакали, они хотели бы оставить детей у себя. Но они принимали это как закон, потому что это должно было так быть" [9, S. 97].

Начиная с 30-х гг. общинное воспитание в кибуцах получило теоретическое обоснование благодаря психоанализу, основные выводы которого использованы довольно предвзято. Так, если буржуазная малая семья, согласно Фрейду, с присущей ей спецификой отношений между матерью и ребенком и между братом и сестрой (Эдипов комплекс, зависть по поводу пениса, соперничество между детьми) ответственна за типические неврозы у взрослых, то - таков вывод его "понятливых" учеников в далекой Палестине - радикальное изменение условий подрастания путем отмены традиционной формы семьи создаст наилучшую предпосылку развития психически здоровой личности [9, S. 98].

Шмуэль Голан (1901-1960), пожалуй, самый известный теоретик кибуцного воспитания, который в 1920 г., будучи членом социалистической сионистской молодежной организации "Хашомер хацаир" (Юный страж), приехал из Галиции в Палестину, где в конце 20-х и затем с середины 30-х гг. преподавал в школах левого объединения "Кибуц арци", а с середины 40-х гг. руководил воспитательной частью, с 1929 по 1933 г. прошел подготовку психоаналитика в Берлинском психоаналитическом институте [14, S. 225].

О первом опыте учителя в кибуце Голан позже говорил как о своей "Педагогической поэме" [6, S. 41], имея в виду Макаренко и его основное произведение, весьма рано переведенное на иврит и изданное в 1941 г. в издательстве вышеназванного объединения кибуцев "*Сифриат поалим*" (Рабочая библиотека). Как установил израильский историк Меир Буксвайлер, *в Палестине и затем в Израиле до 1953 г. были выпущены в свет четыре издания "Педагогической поэмы" на иврите общим тиражом около 5 тыс. экземпляров.* Позднее различными израильскими издательствами были опубликованы и все другие выдающиеся труды советского педагога [15, S. 280-288].

Современники Макаренко отзывались о нем при случае как об одном из "отцов" кибуцного воспитания [16, S. 91-92], а в беседе с автором статьи учителя из объединения "Кибуц арци" (1993) называли "Педагогическую поэму" даже "нашей библией". Однако о конкретном влиянии макаренковской концепции коллективного воспитания на общинное воспитание в кибуцах до сих пор ничего определенного не написано. То, что в исследовательской литературе о кибуцах имя Макаренко уже почти не упоминается,

объясняется, вероятно, большой привязанностью "Кибуц арци", начиная с 30-х гг., к СССР, в котором в связи с приходом в Германии к власти Гитлера люди видели "маяк антифашизма" и в целом союзника в деле построения социализма. Как и в странах "народной демократии", это слепое доверие к "большому брату" соединялось в Палестине и позже в Израиле с ярко выраженным культом Сталина. Впервые это единение пережило потрясение в связи с процессами против "космополитов" в конце 40-х - начале 50-х гг. в Москве, а также с так называемым "делом Сланского" в Праге (1952), в котором был замешан также известный представитель "Кибуц арци" Мордехай Орен, арестованный в Чехословакии по обвинению в "титоизме" (приверженности к вождю Югославии) и в шпионаже в пользу Великобритании [12, p. 220].

Эти события, но прежде всего XX съезд КПСС (1956 г.) и закрытое выступление на нем Хрущева о преступлениях Сталина, привели к отмежеванию ведущего объединения кибуцев от КПСС и от СССР вообще.

Менее известна другая подробность из истории отношений кибуцного движения и Советского Союза. Речь идет о созданном в 1920 г. рабочем батальоне "*Гдуд авода*", насчитывающем 600-700 человек, левое крыло которого в сентябре 1927 г. в количестве приблизительно 75 членов (20 семей), отказавшихся от сионизма, вернулось на "родину мирового пролетариата" [12, p. 143; 17, S. 58; 18, S. 144, 148]. Большинство членов батальона, оставшегося в Палестине, в декабре того же года присоединилось к кибуцам. Реэмигранты под руководством Менахема Менделя Элькина (по другим источникам - Элкин; род. в 1899 г.) были поселены в Крыму, вблизи Евпатории, где советское правительство в середине 20-х гг. начало создавать автономный еврейский район. Организованная в июле 1928 г. коммуна реэмигрантов, имеющая "опыт в организационных вопросах коллективного быта и навык к коллективному труду", как характеризовал ее Элькин в центральной советской печати [19, с. 25], называлась "*Voya Nova*" ("Войа Нова"; эсперанто - "Новый путь").

Важно отметить, что такой образец добровольного коммунистического объединения создан еще до сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР. В середине 30-х гг. коммуна была преобразована в обычный колхоз "Войонова". Элькин, который к тому времени уже покинул ее, жил сначала в Ленинграде, а позже в Москве, но в 1938 г. был обвинен в шпионаже и арестован; по всей вероятности, его приговорили к смерти и расстреляли. Впрочем, нечто похожее случилось и с Цви Колтоном, членом Палестинской коммунистической партии: в 1936 г. англичане выслали его из страны, а два года спустя он был казнен в Советском Союзе [17, S. 64, 79].

Как многие интеллигенты того времени, Голан и другие представители кибуцного воспитания уже с 20-х гг. находились под влиянием зарубежной, прежде всего немецкой и американской, реформаторской педагогики, а также идей немецкого молодежного движения и представленной Густавом Винекеном (Германия) и Зигфридом Бернфельдом (Австрия) идеи об "автономной молодежной культуре", свободной от влияния семьи [6, S. 42; 11, p. 51].

При этом нужно особо отметить влияние Бернфельда, о чем стало известно лишь в последние десятилетия. Венский психолог и педагог, основавший в 1919 г. детский дом для еврейских сирот (Баумгартен), опубликовал в том же году программный труд под названием "*Das jüdische Volk und seine Jugend*" (Еврейский народ и его молодежь), в котором сделал набросок модели кибуцного воспитания в будущем. Эту публикацию



заметили и в Палестине, хотя ее суть была воспринята не совсем точно, возможно, потому, как считают М. Фелинг-Альберс и В.Фелинг, что автор в свое время выехал в США, а не в Палестину. Во всяком случае, Бернфельд оставался долгое время вне поля зрения исследователей кибуцного движения. Заслугой Вилли Хофера, одного из соратников и преемников Бернфельда в венском детдоме, является то, что в 1965 г. он указал на этого человека и его значение для кибуцного воспитания [14, S. 158], так что ныне Бернфельда совершенно справедливо считают его истинным "духовным отцом" [20, S. 68].

В историко-педагогических исследованиях осталось до сих пор совершенно незамеченным то, что не только Бернфельд, но и Макаренко опирались на опыт Винекена в "Свободной школьной общине" в Виллерсдорфе и сделанные им на этой основе выводы. Так, советский педагог, разделявший критику Винекена в адрес школы и семьи, энергично отстаивал тезис последнего (не ссылаясь, однако, на него) о том, что детство - это самостоятельная фаза жизни. В макаренковской статье "Педагогижимают плечами" (1932) можно прочесть: *"... наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив"* [21, с. 140]. Примерно до 1927 г. Макаренко использовал вместо советского термина "коллектив" понятие Винекена "община" (*Gemeinde*), так что последнего можно считать в некотором роде "прародителем" разрабатывавшейся тогда в Советской Украине (колония им. М. Горького) и в Палестине (кибуцы) концепции общинного воспитания.

В основу системы воспитания в кибуце была положена концепция двух эмоциональных центров, которые организовались раздельно не только по месту их нахождения, но и по воспитательным функциям, в которых были заняты разные в эмоциональном отношении люди [9, S. 98-99].

Первый центр - дом-интернат с *метанелет*, нейтральным в эмоциональном отношении доверенным лицом, и с *"peer group"* (группой одного возраста) - должен был ориентироваться на общие интересы группы. При этом должны были прежде всего решаться такие задачи социализации, как воспитание чистоплотности, привитие культуры поведения за столом, половое воспитание с учетом полового влечения детей, формирование социальных норм поведения, таких, как готовность поделиться с другим, уступить ему что-либо и т.п.

Детей обоих полов с самого их рождения объединяли в возрастные группы, в которых они совместно воспитывались до 18 лет, что "в плане социализации далеко выходит за рамки возможностей совместного воспитания мальчиков и девочек одной классной группы" [5, S. 171]. До 60-х гг. члены одной *"peer group"* - вначале в поселениях "Кибуц арци", а затем и в других - спали в совместных спальнях помещениях, мальчики и девочки вместе принимали душ. Чтобы защитить "общественные душевые" (это практиковалось вплоть до смерти Голана), были проведены педагогические совещания, а также издан тематический сборник. Однако же "пережившие общинное воспитание" [22, S. 119] остро критиковали такого рода опыты, они рассказывали "о жгучем стыде, о невыносимом чувстве публичного принуждения, о глубоких душевных ранах вследствие обнажения перед другими" [22, S. 141].

Наиболее нашумевшим - и получившим в литературе противоречивые отклики - результатом такого совместного воспитания было "возникновение отношений по типу

связей между братьями и сестрами, предполагающих исключение половых контактов и браков между ними" [5, S. 171]. Исследование израильского социолога Иосифа Шефера (1977) о браках людей, выросших в кибуце, показало, что не было ни одного бракосочетания двух людей из одной и той же *"peer group"*. *"Похоже, тесная связь в группе равных вызывает чувство запрета на кровосмешение ее членов"* [9, S. 119]. С другой стороны, как показало одно из исследований 70-х гг., интимные отношения с лучшим другом или с лучшей подругой в кибуце менее выражены по сравнению с их городскими сверстниками [5, S. 188].

Ребенок в кибуце практически никогда не оставался в одиночестве [23, p. 88]. Благодаря постоянному совместному пребыванию в кругу сверстников с самого раннего детства возникали такие условия жизни, которые характерны для близнецов, поэтому члены *"peer group"* проявляли типические психологические признаки близнецовых пар. Сверстники чувствовали сильную зависимость один от другого и во всех жизненных ситуациях полагались друг на друга. Кибуцный ребенок сказал однажды в беседе с одним из зарубежных гостей, что лишь сверстники из своей группы могут его *"по-настоящему понять"* [23, p. 87].

Второй эмоциональный центр - семья - должен был обеспечить в первую очередь удовлетворение потребности детей в родительской ласке, их эмоциональное развитие. Исходным моментом при этом была точка зрения, что после *"распада авторитета отца"* [24, S. 18] взаимоотношения между родителями и детьми должны определяться прежде всего положительными чувствами, не отягощенными конфликтными ситуациями. То, что родители и дети будут проводить вместе лишь приятные часы, должно было позволить, как, очевидно, надеялись теоретики кибуцкого воспитания, избежать характерного для ситуации Эдипова комплекса проявления противоречивого чувства любви-ненависти.

Во время ежедневного совместного пребывания в кругу семьи (*"священные часы"*) родители должны были обеспечивать здоровую атмосферу общения, не балуя детей при этом. В квартире родителей дети могли играть со своими собственными игрушками, чего им не разрешалось делать в интернате. *Часы, проведенные в семье, становились для детей действительно чем-то особенным.* И так как родители благодаря коллективно организованному обслуживанию (прачечная, столовая и т.п.) почти не тратили времени на ведение собственного домашнего хозяйства, то в семейные часы они могли полностью посвящать себя детям. Воспитательный эффект, связанный с общими занятиями на досуге, Л. Лигле описывает таким образом: *"Ребенку открывается мир, полный новых впечатлений, который он осваивает со своими родителями; совместные переживания, т.е. не расплывчатые отношения, как в доме-интернате, постоянное, незаменимое эмоциональное отношение содействуют отождествлению и тесной привязанности к родителям"* [24, S. 18].

О роли семьи в кибуцном воспитании Голан пишет: *"Проблема, которая была не в том, как ослабить узы (между родителями и ребенком. - Г.Х.), но, наоборот, в том, как превратить их в более стабильный и устойчивый источник защищенности, привела их в соответствие с подготовкой к жизни в обществе"* [6, S. 37]. В другом месте у Голана сказано: в ходе коллективного воспитания *"предполагается свести до минимума отрицательное влияние родителей на ребенка, но дать детям при этом возможность получить от родителей ту меру любви и участия, которая гарантирует чувство защищенности и нормальное развитие, сводит по возможности к минимуму влияние"*

чрезмерной опеки, с одной стороны, и возможность развития у детей чувства заброшенности и недостатка родительской любви, с другой" [9, S. 99].

Голан увидел угрозу в том, что родители, не желая омрачить то время, которое они проводят с детьми, уступают им во всем, позволяя себя тиранить и отказываясь при этом от любого воспитательного влияния в твердой уверенности, что детей воспитывают в доме-интернате. Он объясняет это так: "Некоторые родители склонны видеть в коллективном воспитании замену своим собственным воспитательным действиям". Поэтому он требует: "Ни в коем случае нельзя освобождать родителей от воспитания их детей" [24, S. 19].

С начала 60-х гг. произошли существенные изменения в содержании и организации воспитания детей. Двери интернатов открылись для родителей, которые могли теперь практически в любое время, когда позволяли условия работы, приходить к своим детям, а также подкармливать самых маленьких. Теперь они, как правило, сами укладывали детей спать, при этом *метапелет* всегда могла им помочь. Одновременно все чаще ставилась под сомнение существовавшая десятилетиями практика организации ночного сна детей.

В дискуссии о "*sleeping arrangement*" приводились, как выяснили немецкие специалисты по кибуцному воспитанию Вольфганг Мельцер и Георг Нойбауэр [10, S. 29], аргументы как организационного, так и идеологического характера. Сторонники сохранения коллективной формы указывали прежде всего на то, что совместный ночной сон детей - это неотъемлемая составная часть ценностной системы кибуца, основанной на принципе равенства, и что он особенно важен для поддержания традиционных ценностей. Кроме того, это дает возможность освободить женщину от повседневной роли домашней хозяйки и матери, создает условия для политической активности обоих родителей и благодаря профессионализму воспитателей обеспечивает более квалифицированное педагогическое руководство детьми.

Малоизвестен тот факт, что и будущий автор "Книги для родителей" Макаренко до середины 30-х гг. отдавал предпочтение воспитанию детей в детдомах силами профессиональных педагогов перед "неквалифицированным семейным воспитанием". Так, в работе "Беспризорность и борьба с ней" (1931) можно прочесть: "*Уже и теперь очень активно перед всеми нами встал вопрос о новом быте, а новый быт первым делом требует лишить семью права прибегать к кустарному воспитанию ребенка*". "*Никогда женщина не будет полностью свободна там, где семья подменяет педагогическое заведение*" [25, с. 123, 122; см. также: 26, с. 316, 315].

Сторонники семейной формы ночного сна детей в кибуце ссылались на потребность маленького ребенка и молодой матери быть вместе всю ночь, и особенно во время засыпания. Они указывали на грубые недостатки присмотра за детьми ночью со стороны перегруженной работой *метапелет* и еженедельно или даже ежедневно сменявших друг друга ночных сторожей при совместном размещении детей - часто последние боялись оставаться в темноте и отправлялись на поиски родителей. Отмечалось также, что родителям, имеющим троих-четверых детей, тяжело постоянно приводить и уводить их. Вследствие отрыва детей от семьи нарушаются процессы накопления родительского опыта, тесные отношения между родителями и детьми и прочность семьи. Кроме того, система общинного воспитания слишком мало учитывает индивидуальные возможности развития ребенка. Да и склонность матерей к определенным педагогическим ошибкам (например, проявление робости) скорее еще больше усиливается из-за продолжительной

разлуки с детьми. По мнению сторонников ночного сна детей в семье, общественная практика воспитания оказывается прямо-таки вредной для детей: многие из них испытывали часто страхи, нервозность и страдали недостатком концентрации внимания.

Эти критики получили поддержку со стороны Анны Фрейд и Дороти Барлингхэм в их книге о детях военного поколения в Великобритании, воспитанных в детских домах. Ее издание на иврите (1949) побудило Голана выступить с возражением, в котором он указывал на различия между теми детскими домами и домами-интернатами в кибуцах [22, S. 117-118]. В 1954 г. Анна Фрейд доложила на симпозиуме психоаналитиков в Нью-Йорке об особом случае крайней эмоциональной запущенности кибуцного ребенка, выросшего в доме-интернате и нуждавшегося в помощи психотерапевта. Маленькая девочка, мать которой работала в коровнике, пыталась завоевать ее внимание и любовь тем, что старалась уподобиться животным, которых обслуживала мать, "она отказалась от своих умений, человеческих интересов и образа поведения и во всех ее движениях, действиях и привычках стала коровой", т.е. передвигалась на всех четырех конечностях, к тому же еще и мычала [[думаю, это типичные для психоаналитиков фантасмагории](#)] (+ см.здесь про [false memory syndrome](#)). Скорей всего, там было какое-то органическое поражение нервной системы, которое в палестинской глубинке не смогли распознать – **В.К.**].

Далее в докладе Анны Фрейд говорилось: "Ее отношение к матери ухудшилось, при этом усилилось равнодушие к другим людям, которое оставалось в этой абсолютно патологической форме ее идентифицированного подражания животным" [27, S. 1362].

Слабым звеном общинного воспитания в кибуцах, несомненно, была *метапелет*, функцию которой людям извне, включая посетителей из-за рубежа, трудно было понять. М. Фелинг-Альберс и В. Фелинг видят в ее "эмоциональном нейтралитете", который, как оказалось, почти невозможно было обеспечить, "скорее продукт исследований мужской половины теоретиков воспитания" [5, S. 119]. Информатором Анны Фрейд в случае, описанном выше, была эмигрировавшая из Вены в Палестину психоаналитик Алиса Вайс-Штадтхаген, с которой она переписывалась. В 1947 г. Алиса сообщила ее лондонской коллеге о трех-четырёхлетних кибуцных детях, ее пациентах, которые уже "прошли через руки" 15 (!) *метапелет* [22, S. 190]. В то время *метапелет* еще не была профессией, по которой нужно было получать специальную подготовку; на эту работу в кибуцах назначались женщины, по общему мнению наиболее пригодные для нее (обычно матери - но в те группы, где не было их детей). Лишь в 50-е гг. *метапелет* стала получать соответствующую подготовку - вначале в течение двух-шести недель, позже - одного-двух лет [5, S. 120].

Еще больший интерес, чем сообщения Анны Фрейд, вызвали в кибуцах результаты исследований в области госпитализации детей отдельно от матерей (Рене Спитц и др.), проводившихся в начале 50-х гг. по заданию Международной организации здравоохранения (МОЗ) и включавших также кибуцы. Хотя при этом и не ставился знак равенства между воспитанием в этих учреждениях и воспитанием в обычных детских домах, но определенные моменты поведения (проявления депривации), такие, как вспышки гнева, сосание большого пальца, кусание ногтей и ночное недержание мочи, наблюдавшиеся часто и у кибуцных детей, рассматривались как проблемные и связывались с практикой общинного воспитания (недостаточный материнский уход) [9, S. 88].

Эти вопросы рассматривает в своей широко распространенной книге "Дети мечты" ("The

children of the dream", 1969) известный американский психиатр и педагог Бруно Бетельхейм, проведший семь недель в одном из кибуцев и побывавший, кроме того, в некоторых других. Бетельхейм выступает за "тщательное и непредвзятое исследование практикуемых в кибуцах методов воспитания с тем, чтобы узнать таким образом что-то новое о росте ребенка и формировании личности" [23, p. 61]. Немецкоязычное издание этой книги **"Die Kinder der Zukunft"** ("Дети будущего"), которое имеет подзаголовок программного характера "Общинное воспитание как путь новой педагогики", всегда с большой охотой и с пользой для себя читают мои студенты. Данный труд содержит интересные наблюдения и выводы.

Участники кибуцного движения, как показывает опубликованная в Израиле подборка откликов, встретили книгу Бетельхейма очень критически [22, S. 186]. Так, утверждение автора о том, что недостаточная, по его мнению, координация влияний со стороны родителей и метапелет приводит некоторых подростков к душевному расстройству (*emotional disturbance* [23, p. 187-192]), в свое время вызвало бурю возмущения [22, S. 150]. Не принят также был и тезис Бетельхейма о том, что кибуцников из-за недостаточной подготовки на роль колонизаторов заставили "создать вновь закрытый мир местечка, хотя совершенно другим способом, но на схожих основаниях: выжить в принципиально враждебном окружении" [28, p. 366]. Основатели кибуцев в этом тезисе видели прямое нападение на их мечту о "новых евреях" [28, p. 368]. Поэтому и не нашелся ни один издатель, который был бы готов опубликовать книгу Бетельхейма на иврите, хотя некоторые части перевода уже циркулировали в кибуцах [28, p. 354, 368].

В глаза бросается большой перерыв между поездкой ученого в Израиль и появлением книги. Нина Сутон, французский биограф Бетельхейма, используя некоторые цитаты из личных писем, адресованных редактору ученого в его американском издательстве (Рут Марки), написала, что он был скорее разочарован своими впечатлениями, полученными на месте. В письмах говорится, например, о том, что Бетельхейм, хотя и познакомился со счастливыми людьми, "воодушевленно рассказывавшими о своих курах, карпах, о последнем урожае или о новой фабрике, которую они хотели построить", встретил и много таких, "кто угрюмо выглядели, ни с кем не разговаривали, не хотели, чтобы им мешали, и пытались поскорее сделать свою работу.

В больших городах они были бы балластом, если не хуже. Здесь же они полезные члены своей общины. Но, несмотря на это, они все равно несчастны, хотя и в другом месте для них тоже бы ничего не изменилось". Бетельхейм приходит к выводу, что "кибуц хорош для очень сильных людей, его ведущих и доминирующих, а также для ослабленных, во всех отношениях защищенных и окруженных заботой общины. Но очень тяжело приходится тем многим людям, составляющим серединное большинство, вынужденным выдерживать все это, без всякой возможности себе помочь, платя за это истощением своих сил и разрушением личности из-за того, что им очень многое нужно было изжить из сознания" [28, p. 361]. В другом письме Бетельхейм с почти непостижимой радикальностью делает вывод из своих впечатлений: "Кибуц, по-моему, это превосходный эксперимент (a most noble experiment) - у него были свои вершинные моменты, но теперь это анахронизм" [28, p. 469].

Большое значение для признания наметившихся тогда изменений в кибуцном воспитании имела проведенная его теоретиками адаптация модели психосоциального развития индивидуальности, разработанной американским психологом Эриком Эриксоном, в

которой подчеркивается значение формирования изначального доверия (*basic trust*) в первый период жизни ребенка [5, S. 69, 121]. Связанная с этим стабильность может быть обеспечена, по мнению Бетельхейма, не только матерью, но и "*peer group*" [23, p. 108]. Несмотря на всякого рода сомнения, большинство кибуцев вначале еще держались за "*communal sleeping arrangement*" - в поселениях объединения "Кибуц арци" (благодаря Голану и его сторонникам) прежде всего из идеологических соображений, однако, и не в последнюю очередь, из-за больших расходов, которые возникли бы при реорганизации. Но в конце концов в некоторых кибуцах дело дошло до "голосования ногами", т.е. часть родителей просто стала оставлять вечером детей дома [9, S. 29]. И таким образом совместный ночной сон детей был постепенно отменен с конца 60-х гг., вначале в результате востума матерей, а затем и официально - в последнюю очередь в поселениях "Кибуц арци". Начиная с 90-х гг. (повлиял также и ракетный обстрел с территории Ирака во время войны в районе Персидского залива) все дети живут и спят у родителей [5, S. 107].

За последние 50 лет концепция воспитания и воспитательные учреждения в кибуцах активно изучались многими израильскими и зарубежными учеными. Однако отдельные небольшие исследования, особенно в первые десятилетия, часто обнаруживали недостатки методического характера. После опубликования первых очень критических отчетов МОЗ о детях из домов-интернатов кибуцы начали создавать собственные научно-исследовательские центры - вероятно, с целью обоснования правильности воспитательной концепции для своих членов, в первую очередь для матерей. Многие из этих изысканий, прежде всего наиболее крупные эмпирические исследования практики воспитания в кибуцах и их влияния на развитие подрастающего поколения, были проведены учеными из числа кибуцников в сотрудничестве с другими исследователями [5, S. 141].

В центре их внимания было психическое развитие ребенка и качество взаимоотношений матери и ребенка, а также развитие социальных установок и нравственного сознания в условиях общинного воспитания в сравнении с традиционным семейным. После того как во многих кибуцах был введен ночной сон детей у родителей, стало возможным с начала 80-х гг. создание внутри одного кибуца сопоставимых групп и сравнение детей и подростков, продолжавших находиться и спать в домах-интернатах, с теми, кто уже ночевал дома. Кроме того, были задействованы контрольные группы из *мошавов* (сравнимые с кибуцами кооперативные товарищества на базе частного домашнего хозяйства в сельской местности)

и из городов, а также из среды не израильского населения. Подробный обзор этих исследований содержится в новой книге М. Фелинг-Альберс и В.Фелинга [5, S. 142-150, 185-196], на которую я в дальнейшем буду ссылаться.

**1. Психическое развитие.** Альберт И. Рабин, психолог психоаналитического направления из США, провел начиная с 50-х гг. много исследований по вопросам развития кибуцных детей сравнительно с детьми из мошавов и из городов, в том числе и по вопросам взаимоотношения детей и родителей. Так, в 1955 г. он изучал представителей различных возрастных групп - маленьких детей (средний возраст - 13,4 месяца), 10-летних и 17-летних - и установил у малышей из кибуцев легкие формы отставания в развитии локально-моторной сферы (в том числе зрительно-двигательной координации), а также реакций социального поведения. У этих детей оказалось менее развитым изначальное

доверие, что Рабин называет "частичной материнской депривацией" (*partial maternal deprivation*) и объясняет недостатком последовательности в поведении взрослых участников процесса общинного воспитания.

Относительное отставание в развитии, которое Рабин установил у годовалых детей, у 10-летних более не наблюдалось. Тот факт, что Эдипов комплекс у мальчиков из кибуцев проявлялся в более слабой форме, чем в сопоставимой группе, он объяснил, во-первых, тем, что взаимоотношения детей и родителей в кибуцах были ограничены по времени и по содержанию, и, во-вторых, тем, что воспитательные санкции исходили не от отца и матери, а, как правило, от метапелет, в то время как родители вели себя весьма дружелюбно, не наказывали и не угрожали. В целом изыскания Рабина показали, что в кибуцах господствовали положительные взаимоотношения родителей и детей, что нашло в основном подтверждение в исследованиях американской группы ученых в 70-е гг. Правомерно также предположение, что родители в кибуцах значительно меньше использовали меры наказания и контроля, чем городские родители.

**2. Взаимоотношения матери и ребенка.** Начиная с 70-х гг. проводилось много исследований привязанности к матери и к метапелет детей, выросших в кибуцах, в сравнении с детьми, воспитывавшимися в семье. Они показали, что дети, даже выросшие в условиях "двух эмоциональных центров", были больше привязаны к матери, чем к метапелет. Изыскания Абрахама Заги и других (1988-1989) свидетельствуют о том, что у детей из кибуцев с традиционной совместной организацией ночного сна чувство привязанности к родителям было выражено заметно слабее, чем у детей, которые спали в семьях: лишь 48% малышей - против 80% из "семейной" группы - обнаружили тесную привязанность к матери. Согласно интерпретации авторов, именно практика, когда дети ночами оставались без матери, была основной причиной дефицита отношений между матерью и ребенком.

Это предположение подтверждают результаты исследования Мири Шарф (1997), которая изучала кибуцных подростков с учетом места формирования их привязанности в раннем возрасте и форм выражения эмоций. 33 подростка из кибуцев с совместной организацией ночного сна сравнивались с таким же числом подростков, которые жили и спали у родителей, а также с группой из 34 подростков, которых до достижения ими 6 лет перевели из общинной системы организации ночного сна в семейную. И в этом случае чувство привязанности к родителям у выросших в коллективе, выявленное лишь у 43,7% из них, оказалось выраженным значительно слабее, чем у подростков, воспитывавшихся в семье, - 69,7%.

Подобный результат (67,7%) показали и исследования подростков, которых перевели из одной системы организации ночного сна в другую, из чего следует, что многие дети, очевидно, в состоянии в новых условиях компенсировать некоторые недостатки развития, пережитые в первые годы.

**3. Социальное поведение.** Благодаря эмпирическим исследованиям последствий кибуцкого воспитания и социализации, которые Рабин провел в 60-е гг. и Йехецкель Дар в 90-е, удалось установить у подростков ряд особо выраженных социальных установок и образцов поведения. В обобщенном виде можно сказать: существующая в кибуцах система общинного

воспитания обеспечивает, по-видимому, возникновение своего рода чувства социальной защищенности, возникающего благодаря не только привязанности к родителям, но и

поддержке со стороны сверстников его группы и защитной атмосферы кибуцного общества. Эти исследования показали наличие высокого уровня толерантности, альтруизма, чувства социальной ответственности, способности к взаимодействию, готовности поделиться с другим, а также положительного отношения к идее равенства и социальной справедливости. У подростков из кибуцев оказались более выраженной социальная направленность и менее - эгоцентризм, чем у их сверстников из мошавов и городов. Они самокритичнее, в большей мере чувствительны по отношению к окружающей среде, их отличает высокий уровень трудовой этики.

**4. Нравственное сознание.** Особенно большое впечатление производят результаты длительного интеркультурного исследования по проблеме развития нравственного сознания по ступенчатой модели Лоренса Кольберга, в ходе которого изучались контрольные группы из США и Турции. В процессе изучения, проводившегося в период с 1974 по 1983 г., у кибуцников были обнаружены качества, являющиеся результатом последовательного развития их нравственного сознания. Наивысший уровень, по Кольбергу, - экстраординарный (6-й) ("postconventional level"), встречающийся в сельской местности обычно реже и с сильным запаздыванием, достигался кибуцниками *чаще и раньше, чем в сравнимых группах*. Интересная деталь этого исследования: в своих нравственных оценках молодые женщины и мужчины из кибуцев *не расходились*, очевидно, в результате слабой специфической направленности воспитания и совместной социализации мальчиков и девочек.

Новые исследования показывают, что упомянутые черты социального поведения у подростков из кибуцев вследствие ориентации последних на семью становятся менее выраженными, и в целом происходит их сближение с установками их сверстников из среднего слоя городского населения [5, S. 192]. Вопрос о том, относится ли это к способности давать нравственную оценку, насколько мне известно, еще не изучался, однако это можно предположить.

Вернемся к вопросу об ориентации на семью. Усиление этой тенденции, являющееся, как показали исследователи, главным признаком социальных изменений в кибуцах уже в 60-е гг. [7, S. 124], проявляется не только в "победоносном шествии практики организации ночного сна в семье" [7, S. 165], но и в переносе отдельных видов услуг, в особенности организации питания, из сферы компетенции коллективного домашнего хозяйства (общинная кухня, столовая) в домашнее хозяйство семей и в связи с этим в выделении личных и семейных бюджетов на приобретение товаров и услуг по индивидуальным потребностям; кроме того, в росте рождаемости - пятеро и более детей не были редкостью в семьях поселенцев второго поколения, наконец, в усилении влияния родителей на выбор жизненного пути детей, на их профессиональное "устройство", в том числе и вне кибуца [7, S. 124].

В середине 80-х гг. в Израиле вследствие инфляции, вызванной крайними мерами финансовой политики правительства Бегина, наступил экономический кризис. Это очень отразилось на кибуцах: из-за вынужденных кредитов они сильно задолжали, так как ввиду изменения практики организации ночного сна детей им пришлось увеличивать квартиры за счет создания дополнительных спальных помещений и собственной кухни. Таким образом, ориентация на семью усилила начавшийся в то время экономический кризис кибуца. Чтобы выжить, поселения открылись для своего окружения, что привело к сплетению с ним, к расширению обмена людьми и услугами, в ходе которого выяснилось,



что кибуцу оказалось не по силам противостояние капиталистическим отношениям и что он все более отходил от своих прежних социалистических целей.

В кибуцах дал себя знать также идеологический кризис. Это относилось не только к вопросу об идентификации с социализмом, дискредитированным советским строем, но также и к угрозе "внутреннего мира" поселений с помощью телевидения, которое с 60-х гг. начало проникать в специально предназначенные комнаты отдыха, а затем и во все квартиры кибуцников, открывая им взгляд в "злой мир" (так называют это гутеры). Между людьми среднего возраста и молодежью все более усиливались противоречия, происходило ослабление идеалов первых сионистов-поселенцев и социалистических ценностей [7, S. 50, 76], т.е. начинался отказ от кибуцной идеологии как таковой.

Так, в кибуцах - и не только вследствие их индустриализации - все шире используется труд наемных рабочих, что несомненно является грубым нарушением принципа "собственного труда". С другой стороны, значительно снизился интерес к участию в работе органов самоуправления, тем более что общие собрания в многих поселениях теперь транслируются в каждую квартиру по собственному кибуцному каналу телевидения. Становящаяся необходимой специализация в отдельных областях труда приводит к фиксации кадровых позиций и к зарождению неких функциональных элит [6, S. 30]. В результате этого принцип базисной демократии как традиционно основополагающий принцип жизни кибуца, всегда составлявший его коренное отличие от псевдосоциализма стран "народной демократии", при решении хозяйственных вопросов уже утратил в значительной мере свою силу за счет расширения полномочий руководителя предприятия [5, S. 86].

Кроме того, в кибуцах вследствие ориентации на семью начался педагогический кризис, возник своего рода "воспитательный вакуум": *родители, выросшие в коллективе и очень активно борющиеся за то, чтобы дети ночевали у них дома, вдруг, как оказалось, не знали, что с ними делать, и попросту усаживали их перед телевизором, т.е. они столкнулись с большими проблемами в новом для них качестве воспитателей* [5, S. 161].

Когда позднее, в начале 90-х гг., среди кибуцных подростков стали известны случаи неповиновения, проявления вандализма, воровства и даже использования наркотиков, то причиной этих правонарушений было объявлено ослабление традиционной системы воспитания в 80-е гг., статуса воспитателя и учителя, *метапелет* и молодежного руководителя - семья не обеспечивала в должной мере решения новых

воспитательных задач и социальный контроль [5, S. 197-200]. Израильский психолог и исследователь кибуцев Михаэль Натан в этой связи указал, что многим родителям с трудом удастся удерживать своих детей в допустимых рамках [5, S. 162]. Еще во время пребывания в Израиле в 1964 г. Бетельхейм подвел в одном из писем к Рут Марки отрезвляющий итог: "Система воспитания действует, потому что дети растут в закрытом сообществе, которое, как все утопические сообщества, не сомневается в своем превосходстве по сравнению с остальным миром" [28, p. 360-361].

В дополнение к этому началась всеобщая индивидуализация в смысле усиления внимания к интересам и потребностям индивида, включая его стремление к независимости, расширению сферы личной жизни вне социального контроля, самореализации и продвижению, чего можно добиться только за пределами такого максимально закрытого сообщества, как кибуц [5, S. 50, 75-76]. О "бегстве из им единственно знакомого мира" подростки во время пребывания у них Бетельхейма даже и не мечтали, так как им

внушалось, что вокруг них - общество, "полное несправедливости и неравенства" [28, р. 368-369]. Однако все это изменилось с проникновением телевидения и других СМИ в кибуцы. Поэтому неудивительно, что большинство молодежи покидают кибуцы: в середине 80-х гг. - до 65% в каждой возрастной группе [5, S. 173], к настоящему времени эта цифра возросла до 75% и более.

Тенденцию оттока молодежи до сих пор не удалось остановить даже с помощью специальных мер: во-первых, введения "свободного года" перед подачей заявления о приеме в члены кибуца, что можно сравнить с "дикими годами" у гутеров перед принятием крещения, в течение которого молодые люди путешествуют по миру с рюкзаком за плечами или зарабатывают за границей деньги [5, S. 181-182]; во-вторых, финансирования специального или высшего образования по собственному выбору - до 70-х гг. это решение еще полностью определялось исходя из потребностей кибуца.

Устойчива тенденция и к разделению труда по половому признаку, к выделению "мужских" и "женских" занятий и к отвлечению интереса женщин от "мужских" профессий, несмотря на формальное и материальное равенство. Доля женщин, занятых в сельском хозяйстве, на протяжении ряда лет постоянно сокращалась - в 1955 г. уже 66% из них были заняты в сфере "женских" профессий [5, S. 68]. Таким образом, они вновь взяли на себя свою традиционную роль, хотя воспринимали работу в сфере обслуживания как неполноценную, и в том, что касается профессиональной деятельности, удовлетворились равноценностью вместо равенства, не в последнюю очередь потому, что стремились уделять больше внимания своим детям. Они начали активную борьбу, частично против интересов мужей, за семейный ночлег.

Первоначально революционное освобождение женщины в кибуце переросло, по высказыванию известного американского антрополога и исследователя кибуцев Мельфорда Е.Спайро (1979), в "контрреволюцию" женщин, которые сами уже получили воспитание в коллективе. В связи с этим М. Натан в 1983 г. поставил вопрос о том, не является ли данное развитие "контрреволюцией без революции" [9, S. 111]. Он сделал вывод, что осуществление упущенной "революции" в этой сфере станет возможным лишь тогда, когда число детей в семье значительно сократится [5, S. 106].

Между тем именно это и произошло с конца 80-х гг., когда возраст вступающих в брак женщин в кибуцах значительно увеличился, а уровень рождаемости понизился и стал ниже среднего среди еврейского населения Израиля, а если еще иметь в виду сравнительно высокую продолжительность жизни в кибуцах, а также большой отток молодежи, то можно говорить о заметном старении их населения, об их "демографическом кризисе" [4, S. 25-26]. И не в последнюю очередь ввиду неясного будущего кибуцев женщины стали избирать профессии, которые и в другом окружении обеспечат им полноценную жизнь.

О будущем кибуца как социального, экономического и педагогического феномена в научных кругах существуют различные мнения. Общим является предположение, что лишь незначительная часть теперешних поселений смогут выжить как кибуцы. Сравнительно оптимистично смотрел на эту проблему в 1947 г. крупнейший еврейский философ и педагог XX в. Мартин Бубер (1878-1965): "Кибуц - это образцовый НЕ-ПРОВАЛ. Это не успех, но образцовое НЕ-ПОРАЖЕНИЕ" [29, с. 14].

В заключение можно сказать, что кибуцное воспитание следует рассматривать в общем историческом плане как педагогическую утопию. Его духовные отцы попытались

соединить свой и чужой практический опыт с передовыми теориями педагогики и психологии первой трети XX столетия, творчески развить и перенести их в микроструктуру киббуца. Благодаря организации единой системы групп совместно проживающих детей одинакового возраста была достигнута высокая степень "обобществления" процесса воспитания, что, вероятно, осуществимо лишь в условиях небольшого по численности, мало "комплексующего" сообщества [24, S. 17]. При этом, однако, недооценивался решающий вклад родителей, особенно матери, в развитие маленького ребенка.

По мере того как киббуц постепенно отказывался от утопических целей общинного воспитания (формирование "нового человека", "нового общества"), росло значение каждого индивида. Главной причиной такого изменения курса стали упреки матерей из этого поколения поселенцев, а также изменение общественного окружения киббуцев. Другой важный аспект: после поражения сталинизма в объединении "Киббуц арци", какое-то время находившемся под московским влиянием, был найден обратный путь к этическому социализму, определявшему киббузное движение у его истоков.

Свою первейшую задачу прочно привязать последующие поколения к киббуцу и обеспечить тем самым его дальнейшее существование общинное воспитание не выполнило. Не удалось воспитать и "нового человека", готового и способного хранить идеи своих духовных отцов, а также их систему ценностей в общине, перед которой после создания государства Израиль больше не стоят общественные задачи и которая волею-неволею все более приспосабливается к капиталистическому окружению. Таким образом, можно было бы рассматривать воспитательный эксперимент в киббуце как неудачу. Однако удалось, и не в последнюю очередь на основе привязанности к группе и общинной направленности поведения детей и подростков, добиться положительных результатов в формировании их социальных и нравственных установок. В этом смысле можно сказать, что данный опыт (до тех пор, пока дом-интернат выдерживал "конкуренцию" с семьей) был успешным. Мораль такова: совершенно очевидно, что процесс воспитания всегда приводит к натянутым взаимоотношениям между семьей и общиной, а следовательно, и обществом.

#### Литература

1. Констатиновский И. Киббуц // Огонек. 1990. N 17.
2. Гейвандов К. Командировка в Израиль. По ту сторону ближневосточного конфликта // Известия. 1987. N 44, 45.
3. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.
4. Madar G., Seeligmann Ch. (Hrsg.). Kibbuz - Ein Uberblick. Ramat Etal (Израиль). 2000.
5. Folling-Albers M., Folling W. Kibbutz und Kollektiverziehung. Entstehung - Entwicklung - Veranderung. Opiaden, 2000.
6. Liegle L. Familie und Kollektiv im Kibbutz. Eine Studie uber die Funktionen der Familie in einem kollektiven Erziehungssystem. Wien, Basel. 1977.
7. Liegle L., Bergmann T. Krise und Zukunft des Kibbutz. Vom Wandel einer genossenschaftlichen Wirtschafts- und Lebensform. Weinheim. Berlin, 1994.
8. Busch-Luty Ch. Leben und Arbeiten im Kibbuz. Aktuelle Lehren aus einem achtzi-gjahrigen Experiment. Koln. 1989.
9. Folling-Albers M. Erziehung und Frauenfrage im Kibbutz // W. Melzer, G. Neubauer (Hrsg.).

Der Kibbutz als Utopie. Weinheim. Basel. 1988.

10. Metier W., Neubauer G. Was ist ein Kibbutz? Theoretischer Anspruch und Wirklichkeit - erfahren im Kibbutz Ayelet Hashahar // W. Melzer. G. Neubauer (Hrsg.). Der Kibbutz als Utopie. Weinheim. Basel, 1988.

11. Porat R. The History of the Kibbutz: Communal Education, 1904-1929.

12. Near H. The Kibbutz Movement. A History. Vol. I. Oxford, 1992.

13. Liegle L. Kollektiverziehung: Das Modell Kibbutz (II) // betrifft: erziehung. 1971. N 2.

14. Liegle L., Konrad F.-M. Reformpädagogik in Palastina. Dokumente und Darstellungen zu den Versuchen einer "neuen Erziehung" im jüdischen Gemeinwesen Palastinas (1918-1948). Frankfurt/M., 1989.

15. Buchsweiler M. Die Übersetzung des "Pädagogischen Poems" ins Hebraische p geistiger Hintergrund // G. Hillig, S. Weitz (Hrsg.). Stand und Perspektiven der Makarenko-Forschung. Materialien des 6 Internationalen Sym-positions (28 April - 2 Mai 1989). München, 1994.

16. Konrad F.-M. Path in Utopia. Kibbutz Education and International Progressive Education at the Beginning of the 20-th Century // W. Folling. M. Folling-Albers (ed.). The Transformation of Collective Education in the Kibbutz. The End of Utopia? Frankfurt/M., 1999.

17. Merchav P. Die israelische Linke. Zionismus und Arbeiterbewegung in der Geschichte Israels. Frankfurt/M., 1972.

18. Naor M. Eretz Israel. Das 20 Jahrhundert. Köln. 1998.

19. Элькин М. Коммуна "Война-Нова" // Трибуна. 1929. N 13.

20. Melzer W. Die Bedeutung von Utopien für die Genese der Kibbutzim und ihres Erziehungsarrangements // W. Melzer. G. Neubauer (Hrsg.). Der Kibbutz als Utopie. Weinheim, Basel, 1988.

21. Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. I. М.. 1983.

22. Liban A. Freuds Einwanderung nach Erez Israel. Die Aufnahme der Psychoanalyse in Palastina. Diss. Psych. Fak.. TU Berlin (Mikrofiche). 1998.

23. Bettelheim B. The Children of the Dream. London, 1969.

24. Liegle L. Kollektiverziehung: Das Modell Kibbutz (I) // betrifft: erziehung. 1971. N 1.

25. Макаренко А. Собр. соч. Марбургское изд. Т. 1. Равенсбург, 1976.

26. Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 5. М.. 1985.

27. Die Schriften der Anna Freud. Bd. V. 1954-1956. Psychoanalyse und andere Schriften. Frankfurt/M.. 1987.

28. Sutton N. Bruno Bettelheim. The Other Side of Madness. London, 1965.

29. Киббуц вчера, сегодня, завтра. Иерусалим, 1998.

[http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus\\_readme.php?subaction=showfull&id=1192628243&archive=1196815384&start\\_from=&ucat=&](http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1192628243&archive=1196815384&start_from=&ucat=&)